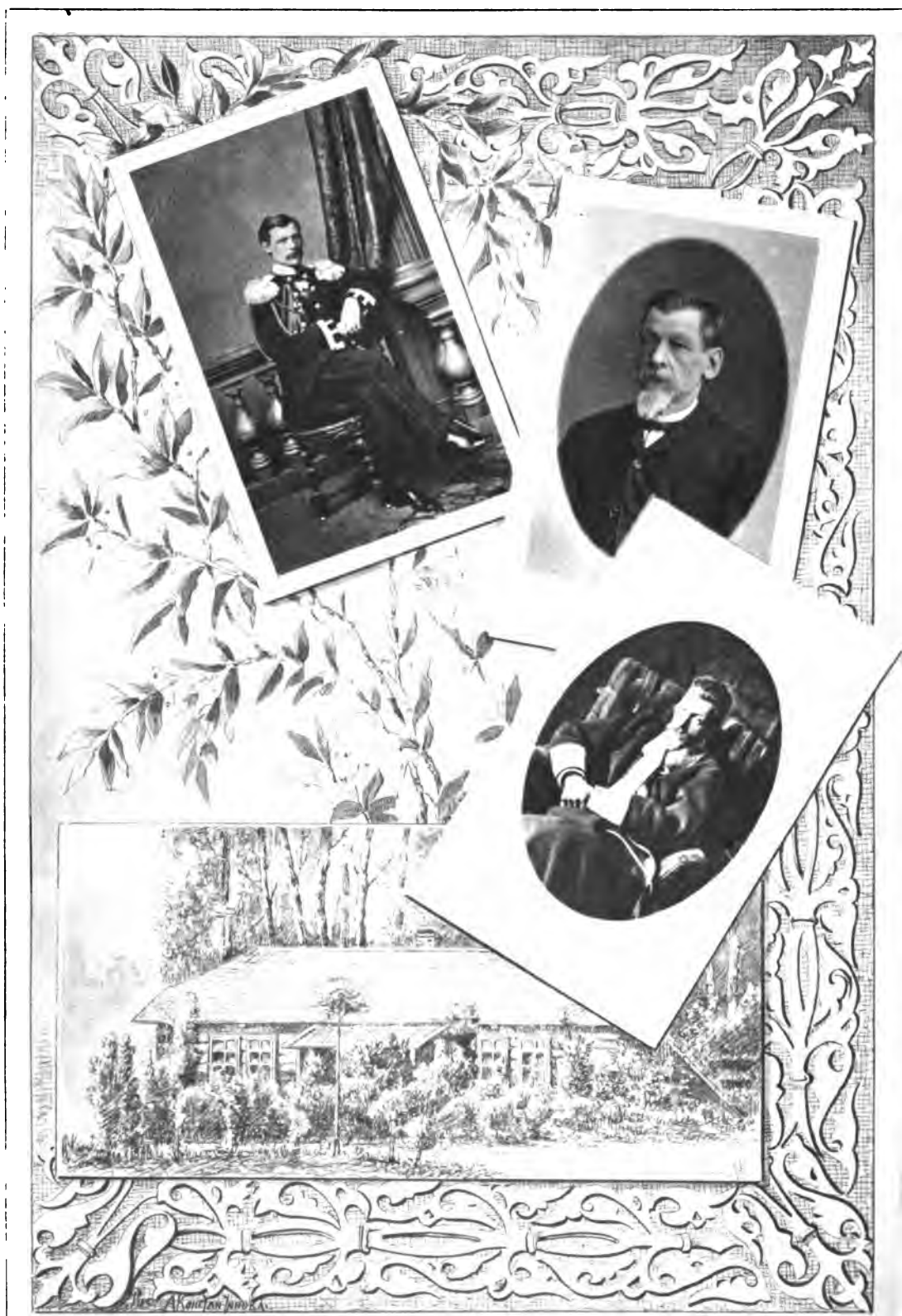

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ШЕЛГУНОВА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ портретами автора и вступительной статьей

Н. МИХАЙЛОВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Цена за два тома—3 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Обложка напечатана въ типографіи И. Н. Скороходова, Надеждинская. 45.

Текстъ въ типографіи Четырева. Морская, № 2.

1895.

Т. Е.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
137555
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1899.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Николай Васильевич Шелгуновъ. Вступительная статья Н. К. Михайловскаго 1

СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

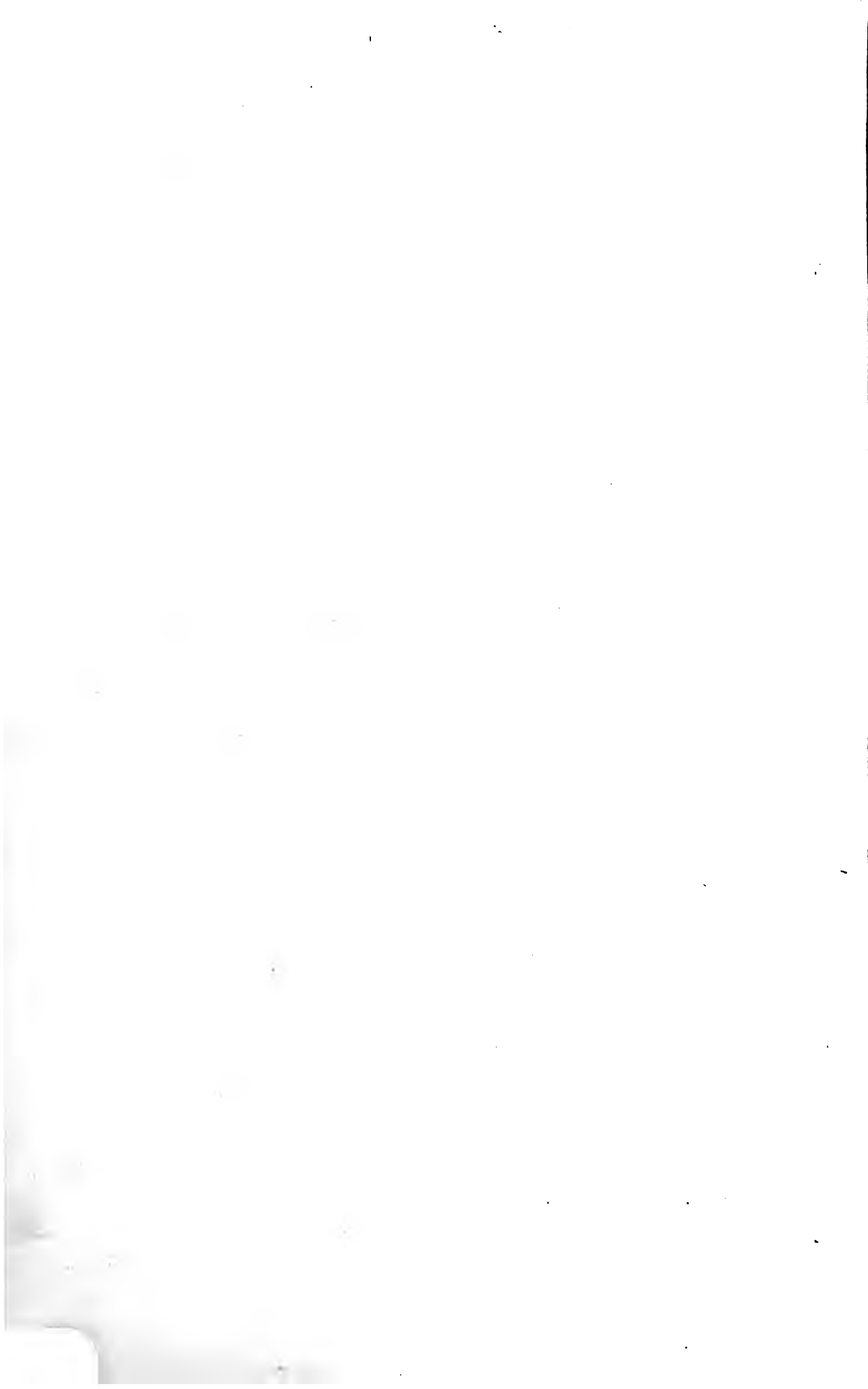
	стр.
Европейскій западъ	1
Убыточность незнанія	19
Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи	61
Три народности	93
Цивилизація Китая	111
Россія до Петра Перваго	167
Новый отвѣтъ на старый вопросъ	257
Государственный классицизмъ	279
Попытки русскаго сознанія	417
Фатализмъ историческаго прогресса	483
Очерки изъ исторіи Сѣверо-Америк. союза	507
Американскіе патриоты	575
Маківели	623

СТАТЬИ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ.

Письма о воспитаніи.

Русскія матери	651

Кого воспитывать?	стр. 657
Чего не знаютъ женщины	665
Честная пассивность разсудка	678
Память	689
Воображеніе	698
Вниманіе	707
Реальное мышленіе	715
Слово	725
Умъ и чувство	734
Навыки и привычки	742
Бездѣтельность	753
Воля	764
Стыдъ	784
Характеръ	795
Раздвоенность характера	805
Факторы характера	814
Теорія счастья	824
Воспитательныя вліянія	833
Условія солидарности	845

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ШЕЛГУНОВЪ.

I.

Въ одномъ изъ своихъ «Очерковъ русской жизни» Н. В. Шелгуновъ приводитъ слѣдующія слова «Гражданина» о шестидесятихъ годахъ: «Тогда все кипѣло жизнью, и именно жизнью духовною, тогда лучшие люди шли на общественную службу, тогда въ каждомъ русскомъ человѣкѣ билось сильно сердце, тогда либералы создали цѣлую Ниагару мыслей, стремленій, цѣлей въ руслѣ русской умственной жизни и этимъ самымъ вызвали къ жизни и противниковъ этого громаднаго урагана,—словомъ, тогда все, что дремало до того, проснулось, и на борьбу выступили всѣ силы добра и зла, на борьбу живую и, можно безъ преувеличенія сказать, народную, въ смыслѣ животрепещущихъ вопросовъ судьбы русскаго государства, эпохою создавшихся».

Н. В. Шелгуновъ дѣлаетъ эту выписку изъ «Гражданина» съ особой цѣлью, для иллюстраціи одного частнаго своего соображенія. Но гораздо болѣе общее чувство внутренняго удовлетворенія, навѣрное, говорило въ немъ при этомъ. Пріятно и мнѣ начать вступительную статью къ сочиненіямъ одного изъ видныхъ представителей шестидесятихъ годовъ этою выпискою изъ газеты, болѣе чѣмъ неблагоприятной къ тогдашнему умственному движенію. Приспомянутые шестидесятые годы будутъ еще, вѣроятно, долго служить предметомъ самыхъ разнообразныхъ сужденій, въ числѣ которыхъ не мало будетъ и рѣшительныхъ осужденій. Такова всегдашняя участь всего яркаго и крупнаго, — людей, событій, эпохъ. Мелкіе люди, заурядныя событія, тускляя эпохи не вызываютъ пререканій и противорѣчивыхъ сужденій, а около всего цѣльнаго и крупнаго стоитъ гудъ и

шумъ споровъ. Съ теченіемъ времени этотъ шумъ, разумѣется, затихаетъ и наконецъ совсѣмъ прекращается. Однако такое событіе, какъ на примѣръ первая французская революція, доселѣ, спустя сто лѣтъ, подвергается самымъ разнообразнымъ и противорѣчивымъ сужденіямъ. У насъ, впрочемъ, есть примѣръ ближе—петровская реформа. Сколько пламенныхъ восторговъ и сколько несдержанной брани вызываетъ она даже по сей часъ! Одни видятъ въ ней безупречно розовую зарю русской исторіи, другіе—почти преступное и, во всякомъ случаѣ, прискорбное удаленіе «изъ дому». И это только два крайнія мнѣнія, а существуетъ еще много другихъ, менѣе одноцвѣтныхъ, пытающихся придать сложному явленію соотвѣтственно сложное значеніе, или болѣе частныхъ, имѣющихъ въ виду главнымъ образомъ гигантскую личность Петра, либо ту или другую подробность реформы. Одно стоитъ внѣ всякихъ споровъ и сомнѣній: въ подобныя историческіе моменты жизнь бьетъ ключемъ, совершается нѣчто значительное, какъ-бы кто ни расцѣпывалъ содержащееся въ этомъ значительномъ добро и зло. Къ такимъ именно полнымъ жизни и значенія историческимъ моментамъ принадлежатъ шестидесятые годы. Это должны признать даже отъявленные враги всего, что тогда народилось и расцвѣло. Если они далеко не всегда столь откровенны и безпристрастны, какъ «Гражданинъ», въ сдѣланной выше выпискѣ; если они, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ всячески сияются унижить, «равнѣнчать» шестидесятые годы, то самая страстность этихъ ихъ усилій, доходящая иногда чуть не до бѣшенства, свидѣтельствуетъ о крупныхъ размѣрахъ того, съ чѣмъ они заднимъ числомъ борятся.

Сочиненія писателя, воспитаннаго подобною эпохой, естественно должны представлять особенный интерес, хотя-бы уже въ силу того отпечатка, который должно положить на нихъ участіе въ общей крупной работѣ. И, прежде всего, для насъ интересно отношеніе такого писателя къ этой общей работѣ. Въ воспоминаніяхъ Шелгунова, а частью и въ другихъ его статьяхъ читатель найдетъ и матеріалы для сужденія о шестидесятихъ годахъ, и самыя его сужденія. Я приведу лишь очень немногое, наиболѣе, мнѣ кажется, общее или фактически наиболѣе выразительное, что можетъ служить отправнымъ пунктомъ для нашихъ собственныхъ соображеній. Но надо оговориться. Въ буквальный смыслъ слова Шелгуновъ воспитанъ не шестидесятыми годами, а предъидущей, тоже приснопамятной, николаевской эпохой. Но и какъ писатель, и какъ человѣкъ, онъ вынесъ изъ этого времени почти исключительно одни отрицательные уроки.

Школьныя и служебныя воспоминанія Шелгунова почти сплошь представляютъ собою поучительнѣйшую картину той, повидимому, необыкновенно стройной, цѣльной, однородной цѣпи отношеній, которая составляла сущность тогдашняго русскаго общества. Это было дѣйствительно нѣчто очень стройное и цѣльное, а на иной глазъ, пожалуй, даже обаятельное въ какой-то своей художественной законченности: каждый былъ въ этой цѣпи въ одно и то-же время восходящимъ и нисходящимъ звеномъ, каждый имѣлъ свое определенное мѣсто, на которомъ онъ трепеталъ передъ одними, вышними, и заставлялъ трепетать другихъ—низшихъ. Сознательнаго исполненія долга «не токмо за страхъ, но и за совѣсть», здѣсь не было, потому что не было мѣста ни личному убѣжденію, ни личному достоинству, ни, вообще, чему-нибудь такому, что могло-бы пестрить картину и нарушать простую гармонію системы. Но она была уже слишкомъ проста для такой сложной штуки, какъ человѣческая жизнь и человѣческое общество. Ее нельзя было представить самой себѣ, въ расчетѣ на силу первоначальнаго толчка и силу инерціи. Она требовала постоянной поддержки искусственными средствами, заимствованными, впрочемъ, изъ нея-же. Шелгуновъ имѣетъ полное право прибавлять эпитетъ «страшное» къ ирониче-

скому выраженію «доброе старое время». Да. «страшное доброе старое время»; не только потому, что и теперь страшно читать хотя-бы въ воспоминаніяхъ того-же Шелгунова, напримѣръ, сцены жесточайшихъ расправъ съ двѣнадцатилѣтними ребятами, но и потому, что все дѣло и въ то-то время-было въ страхѣ.

Вина и заслуга, какъ и всѣ прочіе виды добра и зла, теряли въ то страшное доброе старое время всякое самостоятельное значеніе, преломляясь на совершенно, по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ, неожиданнымъ манеръ въ призмѣ господствовавшей системы отношеній. Надо замѣтить, что случаи, разсказанные Шелгуновымъ, несмотря на всю свою выразительность, еще далеко не самыя ужасныя. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ лишь очень бѣгло, мимоходомъ, касается крѣпостного права, съ которымъ, повидимому, и въ жизни не имѣлъ близкихъ соприкосновеній. Но онъ хорошо понимаетъ, что оно-то и составляло фундаментъ всей системы. Фундаментъ, столь прочный, что даже всесильный императоръ Николай не находилъ возможнымъ развалить его и, по собственному его выраженію, лишь почиталъ должнымъ передать это великое дѣло своему преемнику «съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи». Цѣлыя поколѣнія съ упорною послѣдовательностью и исключительностью готовились къ двойной роли: приказывающихъ и исполняющихъ приказанія, и въ результатѣ получались настоящіе виртуозы той и другой функции, изумительно приладившіеся къ воспитавшей ихъ системѣ. Но когда область двудельной функции сгузилась и распаталась, эти превосходнѣйшіе въ своемъ родѣ специалисты естественно должны были очутиться въ положеніи рыбъ, вытѣщенныхъ изъ воды, а о выработкѣ того, что требовалось новымъ историческимъ моментомъ,—самостоятельной мысли, знаній, твердыхъ убѣжденій, чувства собственного достоинства и признанія такового за другими,—система не заботилась и не могла по самому существу своему заботиться. Мало того, весь этотъ умственный и нравственный багажъ пестрилъ систему, не допуская никакой пестроты, грозилъ ей разнообразными изъязвленіями и неудобствами, а потому или прямо преслѣдовался, какъ контр-бандъ, или содержался въ сильномъ подо-

зрѣны и. Это было опять-таки вполне естественно и послѣдовательно. Система, до такой степени законченная, должна была даже съ преувеличенною чуткостью относиться къ разнымъ враждебнымъ ей элементамъ. Системѣ, конечно, нужны были по крайней мѣрѣ всякаго рода техники, а положеніе великой европейской державы обязывало и къ нѣкоторой умственной роскоши, хотя бы только показной. Но даже самое невинное и чисто фактическое знаніе могло стать очагомъ критической мысли, а эта послѣдняя была уже рѣшительно враждебна системѣ, враждебна сама по себѣ, какъ таковая, на что-бы она ни была направлена. Поэтому всѣ усилія были направлены на урѣзку даже фактическаго знанія до возможнаго minimum'a, опредѣлить который было, конечно, очень трудно, и на приданіе этому minimum'у общей окраски двудеяной функціи, что отчасти и достигалось введеніемъ военной дисциплины въ учебныя заведенія, готовившія къ самымъ мирнымъ занятіямъ. Исторія русскаго просвѣщенія того времени представляетъ высокій теоретическій интересъ, въ качествѣ огромнаго соціологическаго опыта, къ сожалѣнію, слишкомъ дорого стоившаго, но мы не будемъ разбрасываться и постараемся не отходить далеко отъ непосредственнаго предмета нашей статьи,—сочиненій Н. В. Шелгунова.

Вскорѣ послѣ паденія Севастополя Шелгунову было предложено мѣсто ученаго лѣсничаго въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ. Къ сложнымъ занятіямъ, сопряженнымъ съ этимъ мѣстомъ, Шелгуновъ считалъ себя не подготовленнымъ и потому лишь въ томъ случаѣ соглашался принять мѣсто, если его отпразднать предварительно (на его счетъ) за границу для ознакомленія съ тамошнимъ лѣснымъ хозяйствомъ. Шелгуновъ зналъ, чего стоятъ знанія, пріобрѣтенныя имъ въ тогдашнемъ лѣсномъ институтѣ, но система находила, что этого вполне достаточно, и только послѣ порядочной борьбы Шелгуновъ настоялъ на своемъ. Изъ заграничныхъ воспоминаній его отмѣтимъ слѣдующую черту: «Я отыскивалъ сочиненія о Россіи, которой я не зналъ ни исторіи, ни географіи». На первый взглядъ это поразительно, почти невѣроятно: образованный русскій офицеръ, въ умственномъ отношеніи, очевидно, выдаю-

щійся, такъ какъ ему предложено было видное мѣсто ученаго лѣсничаго, а потомъ и профессора, добросовѣстный, такъ какъ не хватаетъ сразу за видное положеніе, не знаетъ ни исторіи, ни географіи своей родины и за границей отыскиваетъ сочиненія о Россіи! Казалось-бы, парадоксальнѣе этого и выдумать ничего нельзя. Но тогдашняя Россія была переполнена подобными парадоксами. Уже въ 1863 году Шелгуновъ разговаривалъ съ однимъ изъ моряковъ, капитанъ-лейтенантомъ, причемъ оказалось, что этотъ капитанъ-лейтенантъ въ первый разъ слышалъ имя Стеньки Разина! Шелгуновъ самъ говоритъ, что это можетъ показаться невѣроятнымъ, а тогда онъ такъ принялъ этотъ фактъ къ сердцу, что, подъ давленіемъ его, принялся писать популярную статью по русской исторіи («Россія до Петра Великаго»). «И все это донятно,—говоритъ Шелгуновъ.—Я учился около того-же времени, какъ и капитанъ-лейтенантъ, а если и не совсѣмъ въ то время, то во всякомъ случаѣ при томъ-же воспитательномъ режимѣ. И у насъ не включался въ курсъ русской исторіи Стенька Разинъ; не былъ извѣстенъ и Пугачевъ, а еще меньше сообщалось о какихъ-либо народныхъ волненіяхъ (т. е., вѣроятно, второстепенныхъ, мѣстныхъ). Исторія, которой насъ учили, была исторія благополучія и прославленія русской мудрости, величія, мужества и доблести. Оканчивалась она царствованіемъ императрицы Екатерины II, а все послѣдующее время представлялось намъ въ видѣ туманнаго пятна съ большимъ вопросительнымъ знакомъ».

Бунтъ Разина и Пугачевщина скрывались, очевидно, ради крѣпостнаго права, составлявшаго фундаментъ системы. Почиталось удобнымъ замалчивать напрутые историческіе факты, порожденные общественнымъ строемъ, въ общихъ чертахъ еще живымъ. Однако дѣло двусмысленнаго отношенія къ историческому знанію не ограничивалось этимъ специальнымъ примѣненіемъ приѣма, наигрывающаго манеру страуса прятать голову и тѣмъ убѣждать себя въ отсутствіи опасности. «Арсеналъ нашихъ знаній, особенно общественныхъ, былъ очень скуденъ,—говоритъ Шелгуновъ.—Было извѣстно, что на свѣтѣ существуетъ Франція, король которой Людовикъ XIV говорилъ: «государство—это я» и за это былъ названъ великимъ; знали, что въ Германіи, и въ осо-

бенности въ Пруссіи, солдаты очень хорошо маршируютъ; наконецъ, краеугольное знаніе заключалось въ томъ, что Россія страна самая большая, богатая и сильная, что она служитъ «житницей» Европы и, если захочетъ, то можетъ оставить Европу безъ хлѣба, а въ крайности, если вынудятъ, то и покорить всѣ народы».

Вотъ что зналъ средній русскій образованный человѣкъ. Намъ, позже выступившимъ въ жизнь, трудно себѣ и представить, какая страшная, зіяющая пустота должна была раскрыться передъ умами людей, знавшихъ это и только это, когда крымскія неудачи и наконецъ паденіе Севастополя, послѣдовавшія за колоссальнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ родной страны, показали, что «краеугольное знаніе» есть заблужденіе. А это ошеломляющее открытіе было чревато многими другими, подобными-же. И наконецъ, вся такъ хорошо прилаженная, такая стройная, такая, повидимому, прочная система оказалась однимъ громаднымъ, сплошнымъ заблужденіемъ. Я знаю, что нынѣ многіе вновь возвращаются къ этимъ заблужденіямъ и видятъ въ нихъ истины, какъ будто исторія и не давала намъ своихъ страшныхъ уроковъ. Пусть. У насъ теперь рѣчь идетъ не о существѣ дѣла, а о состояніи умовъ тридцать—тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Тогда русскіе люди фатально должны были признать заблужденіемъ все то, что въ предшествовавшую эпоху стояло внѣ всякихъ сомнѣній. Такъ должно было быть по логикѣ событий, такъ и было въ дѣйствительности. Кругомъ, куда ни взглянешь, оказалось пустое пространство, въ которомъ надо строиться за-ново...

Страшное дѣло строиться въ пустынѣ. Сколько предстоитъ блужданій, напрасной траты силъ, сколько риску и опасностей! Но великое счастье людей шестидесятыхъ годовъ, счастье, которому могутъ позавидовать всѣ послѣдующія поколѣнія, состояло въ томъ, что у нихъ была путеводная звѣзда, сіявшая ослѣпительно яркимъ блескомъ идеала и въ то-же время указывавшая обязательную практическую задачу, подлежащую немедленному рѣшенію. Эта путеводная звѣзда называлась «освобожденіе крестьянъ». Такіе великіе моменты рѣдки въ исторіи, это ея свѣтлые праздники, но зато-же они отражаются на всѣхъ сторонахъ жизни общества, кото-

рому выпали на долю, и, какъ благодатный дождь послѣ засухи, вливаютъ жизнь всюду, гдѣ ея осталось хоть малое, хоть чажное зерно. Чтобы достойно оцѣнить положеніе русскаго общества послѣ паденія Севастополя, сравнимъ его съ положеніемъ Франціи послѣ Седана. Обѣ страны вынесли тяжкія несчастія, обѣ получили жестокіе уроки, обидные для національнаго самолюбія, но отрезвляющіе и вынуждающіе сосредоточиться на реформахъ обветшалаго общественнаго строя. Но Франція должна была еще пережить залитое потоками крови междоусобіе и доселѣ не имѣетъ определенной, концентрированной задачи, въ которой высокія требованія идеала сочетались-бы съ обще-призванною возможностью и необходимостью немедленнаго практическаго осуществленія. Безъ сомнѣнія, и во Франціи, какъ во всякой цивилизованной странѣ, живутъ свѣтлые и высокіе общественные идеалы, способные окрылять мысль и чувство, но и о существѣ ихъ, и о своевременности ихъ реализаціи идутъ споры. Есть у Франціи и такія задачи, которыя сейчасъ достаточно назрѣли въ общемъ сознаніи для пракческаго осуществленія, но между ними нѣтъ такой, отъ величія которой захватывало-бы духъ. У насъ такая задача была: освобожденіе миллионовъ рабовъ; освобожденіе, возможность и необходимость котораго сразу стали для всѣхъ ясны, хотя одни готовились встрѣтить его съ ликованиемъ, а другіе съ трепетомъ и скрежетомъ зубовымъ. Если оставить въ сторонѣ этихъ трепещущихъ и скрежещущихъ, которымъ было, конечно, не весело, то огромность счастья жить въ такое время трудно даже оцѣнить. И вотъ почему такъ скоро прошли печаль о крымскихъ потеряхъ и стыдъ за крымскій позоръ. И вотъ почему не страшно было строиться въ пустынѣ за-ново. Работа предстояла многосложная и трудная. Неотложность собственно юридическаго факта освобожденія не подлежала никакому сомнѣнію, и развѣ только какія нибудь Коробочки, залпеснѣвшія въ своихъ гнѣздахъ, питали смутную надежду, что авось Богъ пронесетъ грозу. Но экономическая сторона дѣла, вопросъ аграрный, финансовый, самыя формы освобожденія, вопросъ будущаго устройства крестьянъ,—все это еще подлежало рѣшенію и допускало различныя рѣшенія, въ числѣ которыхъ были

и такіа, которыя могли-бы свести «на нѣтъ» самыя существенныя стороны реформы. И разработкою этихъ сложныхъ вопросовъ далеко еще не ограничивалась умственная пища, предложенная русскому обществу великимъ историческимъ моментомъ. Какъ уже сказано, крѣпостное право составляло фундаментъ всей системы, осужденной исторіею на смерть. Его духъ, его образъ и подобіе отражались и во всемъ морѣ государственной жизни, и въ каждой малой каплѣ составляющихъ его водѣ. Отношеніе государства къ личности и ко всѣмъ функциямъ умственной, нравственной, политической, промышленной, гражданской жизни, отношенія начальства къ подчиненнымъ, суда и слѣдствія къ преступнику, мужей къ женамъ, отцовъ и воспитателей къ дѣтямъ,—все было окрашено тѣмъ-же цвѣтомъ. Поэтому обществу и выразительницѣ его нужды, желаній и упованій—литературѣ приходилось вырабатывать цѣлое новое міросозерцаніе, которое обнимало-бы и отвлеченные вопросы теоріи, и насущные вопросы практики. Дѣло трудное, но оно оказалось по плечу обществу и литературѣ.

Неумные и злобные люди, слишкомъ крѣпко памятуяще какую-нибудь свою личную обиду отъ толчка, даннаго русскому обществу въ шестидесятыхъ годахъ, или сами побывавшіе въ этомъ водоворотѣ, но не выдержавшіе, а потому страдающіе, подобно большинству ренегатовъ, близорукостью; эти неумные и злобные люди часто хватаются за какую-нибудь частную ошибку или увлеченіе шестидесятыхъ годовъ и празднуютъ по этому случаю легкую побѣду. Побѣда столь-же легкая, сколько и не лестная. Если-бы у этихъ людей было немножко побольше ума или немножко поменьше злобы, они поняли-бы, что эти частныя ошибки и увлеченія должны быть поставлены на счетъ не шестидесятымъ годамъ, а предшествовавшей эпохѣ. Она подготовила и даже прямо создала ту пустоту, въ которой шестидесятымъ годамъ пришлось строиться заново, и если отъ нея сохранились матеріалы, которые можно было утилизировать въ новомъ строѣ, то сохранились они отнюдь не благодаря, а напротивъ, какъ разъ вопреки ей. Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій, вся, такъ называемая плеяда знаменитыхъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, даже славянофилы,—все это было не ко двору въ свое время, все это

едва терпѣлось въ урѣзанномъ видѣ, а иногда и совсѣмъ не терпѣлось. Мемуары современниковъ сообщаютъ такіа, подчасъ комическія, но въ общемъ глубоко трагическія подробности о положеніи русской критической мысли втеченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, что можно удивляться, какъ она совсѣмъ не атрофировалась. И, во всякомъ случаѣ, при этихъ условіяхъ удивительно не то, что въ шестидесятыхъ годахъ были ошибки и увлеченія. Когда ихъ не было? Они вѣдь, пожалуй, и теперь, въ наше безъошибочное время, найдутся. Удивительно напротивъ, что и общія черты, и многія частности выработанныя въ шестидесятыхъ годахъ міросозерцанія доселѣ подлежатъ только дальнѣйшему развитію, примѣнительно къ новымъ осложненіямъ жизни и къ поступательному ходу исторіи. Удивительно то, что не было ни гроша и вдругъ сталъ алтынъ. Это удивительное явленіе лишь отчасти объясняется личными достоинствами людей, выступившихъ къ шестидесятымъ годамъ на арену общественной дѣятельности. Коренное же его объясненіе лежитъ въ удивительныхъ свойствахъ задачи, развернувшейся передъ обществомъ. Нынѣшнему, даже очень чуткому молодому человѣку надо сильно напрячь свою мысль, чтобы вполне проникнуться потрясающимъ смысломъ этихъ двухъ словъ: «освобожденіе крестьянъ». Прекращеніе возмутительнаго систематическаго, правомѣрнаго насилія надъ милліонами человѣческихъ существъ; превращеніе милліоновъ живыхъ вещей, подлежащихъ куплѣ, продажѣ, залогу, обмѣну и проч., въ милліоны людей; осуществленіе вѣковой мечты народной; конецъ вѣковымъ стомамъ, слезамъ и проклятійамъ,—все здѣсь огромно даже въ чисто количественномъ отношеніи: вѣка, милліоны. И, чтобы не выходить изъ области количествъ, припомнимъ, что всѣмъ этимъ вѣкамъ и милліонамъ итогъ былъ подведенъ въ четыре года (1857—1861).

Бываютъ эпохи, когда великія задачи, пожалуй, даже ясно сознаваемые, представляются чѣмъ-то вродѣ журавля въ небѣ: когда-то еще его поймашь! А въ ожиданіи можно и позѣвать, любоваться на него, и всякими другими, не имѣющими къ нему никакого отношенія, дѣлами заняться, такъ что идеалъ самъ по себѣ, а жизнь тоже сама по себѣ. Бываютъ другія эпохи, которыя суютъ лю-

даютъ прямо синицу въ руки, и хотя синица птица завѣдомо малая, но люди подкупаются ею и живутъ со дня на день малою и скудною жизнью, вполне однако довольные. Если продолжительное созерцаніе журавля въ небѣ можетъ приучить мысль къ слишкомъ отвлеченному наренію и бесплодному идеальничанью, отлично уживающемуся съ самыми разнообразными прохожденіями жизни *ici bas*, то синица въ рукахъ грозитъ черствымъ самодовольствомъ и узкою практичностью въ предѣлахъ вершковъ и золотниковъ. Бываетъ однако и такъ, что ни журавля въ небѣ, ни синицы въ рукахъ, а одно только тоскливое сознаніе отсутствія какой-бы то ни было точки приложенія для силъ. Такъ было у насъ въ эпоху, предшествовавшую освобожденію, когда, напримѣръ, И. Аксаковъ съ горечью восклицалъ: «разбейтесь, силы, вы не нужны!» И вслѣдъ затѣмъ эти ненужныя, гонимыя силы понадобились для осуществленія грандіозной задачи, соединявшей въ себѣ всѣ выгоды журавля въ небѣ со всѣми выгодами синицы въ рукахъ, не имѣя неудобствъ того и другой. Кто хочетъ понять характеръ и значеніе шестидесятихъ годовъ, долженъ прежде всего остановиться на этомъ необыкновенно счастливомъ и чрезвычайно рѣдкомъ въ исторіи сочетаніи идеальнаго съ реальнымъ, головокружительно возвышеннаго съ трезво практическимъ. Но прежде, чѣмъ войти въ нѣкоторыя подробности этой коренной черты всей работы шестидесятихъ годовъ, черты, наложившей свою печать и на нравственные фисіономіи дѣятелей того времени, уяснимъ себѣ еще нѣкоторыя обстоятельства.

II.

Дойдя въ своихъ воспоминаніяхъ до 1859 г., Шелгуновъ пишетъ: «Съ этого года мои личныя воспоминанія получаютъ другой характеръ. Я вступаю въ сношенія съ людьми, память о которыхъ связана съ лучшими годами моей жизни. И какая-же это память, какая благоговѣйная память и какъ она дорога мнѣ! Самая широкая гуманность и великодушныя чувства нашли въ этихъ людяхъ лучшихъ своихъ поборниковъ. Если у меня, старика, у котораго уже нѣтъ будущаго, бываютъ еще теплыя и свѣтлыя минуты въ жизни, то только въ воспоминаніяхъ о нихъ».

Это благоговѣйное отношеніе не мѣшаетъ однако Шелгунову понимать, что дѣло было не въ личныхъ достоинствахъ дѣятелей шестидесятихъ годовъ, а главнымъ образомъ въ условіяхъ историческаго момента, которыя выдвинули на авансцену большіе умы, великодушныя сердца, крупные таланты. Но тѣ же условія указали работу и менѣе одареннымъ, зажгли энтузіазмъ въ равнодушныхъ, придали силы слабымъ, просвѣтили темныхъ, поддержали колеблющихся. Конечно, званыхъ было много, а избранныхъ, какъ и всегда, оказалось въ концѣ-концовъ мало. Конечно, энтузіазмъ равнодушныхъ, силы слабыхъ, равновоііііе многихъ колеблющихся, просіяніе многихъ темныхъ не несли въ себѣ залоговъ значительной прочности. Отнюдь не всѣ, разбуженные и пригрѣтые историческимъ солнцемъ, могли вполне и окончательно, на всю жизнь, къ нему приспособиться, такъ какъ прошлое ихъ слишкомъ мало для этого готовило, вѣрнѣе, готовило совсѣмъ къ другому, а въ концѣ-концовъ не приготовило ни къ чему.

По справедливому замѣчанію Шелгунова, система Николаевской эпохи, несмотря на свою стройность, законченность и кажущуюся прочность, сама въ себѣ носила задатки собственного разрушенія. Требуя повиновенія (и предоставляя приказывать), система, собственно говоря, только на этомъ единственномъ пунктѣ и вторгалась въ душу. Чтѣ тамъ, въ этой душѣ, совершалось помимо формальнаго исполненія приказанія, до этого никому никакого дѣла не было. И потому тамъ совершалось очень разное и подчасъ совсѣмъ неожиданное, проникавшее путемъ безчисленныхъ, неумовимыхъ случайныхъ вліяній. Система воспитывала приказывающе-новинующіеся аппараты, которые ни на что другое не были годны. Но, при всѣхъ своихъ стараніяхъ и при всей своей послѣдовательности, она не могла закупорить всѣ щели, сквозъ которыя доносилось до насъ дыханіе европейской жизни, не могла также совершенно заглушить естественное, почти физическое тяготѣніе человека къ свѣту. Однимъ грубая и жестокая дѣйствительность говорила сама за себя, другіе прилѣплялись къ европейской мысли, хотя-бы урѣзанной и профильтрованной. Тамъ и сямъ, съ огромными трудностями, подъ давленіемъ всяческихъ каръ, угрозъ и подозрѣній, пробивались все-таки ростки само-

стоятельной жизни и критической мысли, которые система могла косить и опять косить, но которые она была бессильна вырвать съ корнями. Да она объ этомъ и не думала. Гордая своею художественною законченностью, система не добивалась чьего-бы то ни было уваженія, любви, сознательной преданности, она довольствовалась формальнымъ исполненіемъ приказаній. И потому случалось одно изъ двухъ: или душа опустошалась совершенно, превращалась въ пустыя рамки, чететы угловъ которыхъ состояли изъ приказанія и повиновенія и которые не заключали въ себѣ никакой картины, никакого образа и подобія; или-же разсужденіе и вообще внутренняя жизнь складывалась безъ всякаго вліянія со стороны системы: ей ничѣмъ было вліять. Отъ разнообразныхъ условій личной жизни каждаго зависѣло, останутся-ли пріуроченныя для всѣхъ рамки совершенно пустыми, или-же чѣмъ-нибудь наполнятся, чѣмъ именно,—это было опять-таки дѣломъ разныхъ случайностей. Понятно, что рамки сплошь и рядомъ не выдерживали чуждаго содержанія и лопались. Система въ такихъ случаяхъ сердилась и карала, а когда рамки оставались пустыми, — она была довольна: все, значить, въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ однако было не такъ; не все на своемъ мѣстѣ было, а просто ничего не было. Ошибка системы, — ошибка, часто повторяющаяся въ исторіи и составляющая, повидимому, даже необходимую принадлежность наиболѣе мрачныхъ ея періодовъ,—состояла въ увѣренности, что опустошенныя души являются лучшею опорой существующаго порядка. Никогда этого не бываетъ и быть не можетъ. Безспорно, всегда найдется не мало хорошо выдрессированныхъ автоматовъ, которые даже лягутъ костью «безъ размысленій, безъ борьбы, безъ думы роковой», когда имъ прикажутъ лечь. Такихъ и воспитывала система; но она также должна была породить, и дѣйствительно породила, множество такихъ пустопорожнихъ людей, которые, подобно пустымъ сосудамъ, лежащимъ на берегу рѣки, готовы наполниться всѣмъ, что донесетъ до нихъ волна въ половодье. Шестидесятые годы были настоящимъ весеннимъ половодьемъ, и много пустыхъ сосудовъ наполнилось, чтобы всѣмъ затѣмъ, конечно, опять опорожниться, но въ ту-то минуту, въ самый моментъ половодья, они яви-

лись яркими сторонниками новаго теченія и яркими врагами породившей ихъ системы, точно мстя ей за опустошеніе своей души. На самомъ дѣлѣ ни сознанія своей опустошенности, ни сознательнаго усвоенія новыхъ идей тутъ, конечно, не было; было только стадное увлеченіе и все та-же привычка повиноваться, не разсуждая, хотя и формы, и характеръ повиновенія рѣзко измѣнились. Таковы обычные результаты систематическаго опустошенія души: при первомъ удобномъ случаѣ жертвы опустошенія съ чрезвычайною легкостью проникаются враждебными системѣ элементами. Жестоко ошибаются тѣ, кто ливуетъ, при видѣ тиши и глади, господствующихъ въ мрачные историческіе періоды всеобщаго обезличенія и загона критической мысли. Въ этой тиши, подъ всеподавляющимъ гнетомъ дисциплины, копится матеріалъ, совершенно несоотвѣтствующій близорукимъ ожиданіямъ. Тихо-то оно тихо, но система, воспитывающая статистовъ, не должна-бы собственно удивляться, когда въ одинъ прекрасный день вся толпа шарахается въ сторону. Такъ и было въ шестидесятыхъ годахъ, къ великому, но совершенно неосновательному удивленію близорукихъ людей. Само собою разумѣется, однако, что, количественно усиливъ своимъ персоналомъ новое теченіе и сослуживъ ему извѣстную службу въ отрицательномъ отношеніи, пустопорожніе люди не были его украшеніемъ ни въ смыслѣ послѣдовательности, ни въ смыслѣ прочности.

Въ «Воспоминаніяхъ» Шелгунова есть интересная глава «Переходные характеры». Здѣсь намѣчено нѣсколько фигуръ изъ тѣхъ, въ комъ новыя вѣянія сочетались въ разныхъ формахъ и количествахъ съ наслѣдіемъ прошлаго. Несмотря, впрочемъ, на интересъ, представляемый этою маленькою портретною галереей (между прочимъ, портретъ покойнаго издателя-редактора журналовъ «Русское Слово» и «Дѣло», Благосвѣтлова, написанъ бѣгло, но мастерски), я не на нее хочу обратить особенное вниманіе читателей, а на главу XVI-ю, въ которой идетъ рѣчь о Кельсievѣ. Человѣка этого, по выраженію Шелгунова, «задѣла новая волна, столкнула со стараго берега, и онъ съ головой кинулся въ невѣдомое для него море, выплыть изъ котораго у него однаго не хватило силъ». Кельсievъ, какъ извѣстно, увлекался крайними социали-

стическими и революционными идеями, эмигрировалъ изъ Россіи, хотя Герценъ и Огаревъ удерживали его отъ этого рискованнаго шага; вель дѣятельную революціонную агитацію, для чего съ большою смѣлостью пріѣзжалъ съ фальшивымъ паспортомъ въ Россію, былъ чѣмъ-то вродѣ атамана Некрасовцевъ въ Добруджѣ и т. д.; затѣмъ разочаровался или ослабѣлъ или, вообще, измѣнилъ образъ мыслей и явился въ Россію съ повинной головой. Получивъ прощеніе, онъ «издалъ брошюру, возмущившую всѣхъ рѣзкостью перехода отъ одного берега къ другому, цинизмомъ покаянія и своимъ неприличнымъ тономъ»...

«Двойственный типъ, къ которому принадлежалъ Кельсиевъ,—говоритъ Шелгуновъ,—не составляетъ рѣдкости, и именно у насъ, въ Россіи, во шестидесятые годы выставили его въ количествѣ болѣе обыкновеннаго». И далѣе: «Двойственный типъ, теряя постепенно свою бравурную и циническую окраску, принималъ все менѣе и менѣе яркій цвѣтъ и, увеличиваясь численно, становился, наконецъ, частью общественнаго мнѣнія. Такую часть общественнаго мнѣнія сформировали всѣ тѣ, которые приняли сначала участіе въ движеніи идей шестидесятихъ годовъ, затѣмъ стали думать иначе и къ своей лучшей и самой яркой порѣ жизни начали относиться съ высокомеріемъ, называя шестидесятые годы эпохой незрѣлаго увлеченія. Едва-ли однако эти люди имѣли и имѣютъ право обобщать въ себѣ все то время».

Еще бы! Кельсиевъ обыкно называлъ себя «жертвой новой русской исторіи», тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ жертвой именно старой русской исторіи, образовавшей въ его душѣ пустоту, которая могла наполниться какимъ угодно содержаніемъ и потомъ опорожниться для новаго наполненія. Такихъ людей было не мало, но, къ счастью, свѣтъ не клиномъ на нихъ сошелся. Благодаря тѣмъ естественнымъ прорѣхамъ въ системѣ, о которыхъ было говорено выше и черезъ которыя проникали разныя случайныя вліянія, съ трудомъ и съ огромными жертвами, но складывались все-таки извѣстныя умственныя и нравственныя традиціи, складывались неистребимо прочно, можетъ быть, частью именно потому, что покупались очень дорогой цѣной. А тутъ засіяло истори-

ческое солнце. Не будемъ говорить о тѣхъ счастливицахъ, которые были къ шестидесятымъ годамъ уже готовыми людьми, съ запасомъ теоретическихъ знаній или житейской опытности, съ вполне сложившимися убѣжденіями и опредѣленною нравственною физіономіей. Возьмемъ одного изъ тысячъ, развивавшихся при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Возьмемъ Н. В. Шелгунова. «Такихъ, какъ я,—говоритъ онъ,—были десятки тысячъ людей, и принадлежали мы не къ той формаціи, которая выросла изъ извѣстнаго московскаго кружка. О существованіи этого кружка и его идеяхъ мы даже не подозревали».

Въ противоположность большинству людей, пишущихъ свои воспоминанія, Шелгуновъ очень скупъ на чисто автобіографическія подробности, даже чересчуръ скупъ. Бросивъ мимоходомъ ту или другую этого рода черту, онъ торопится утопить ее въ какихъ-нибудь сближеніяхъ или въ какой-нибудь общей мысли и даже не доводитъ до конца; такъ что матеріаловъ для характеристики его личности мы, собственно говоря, не имѣемъ, или почти не имѣемъ, а пользоваться для этого своими собственными наблюденіями и почерпнутыми изъ личнаго съ нимъ знакомства соображеніями, я почитаю нескромнымъ. Есть однако въ воспоминаніяхъ одна именно мимоходомъ, вскользь брошенная подробность, которая, мнѣ кажется, многое освѣщаетъ. Говоря о своемъ воспитаніи въ лѣсномъ институтѣ, Шелгуновъ, между прочимъ, вспоминаетъ: «Запершись въ классъ, мы переразвивали наше начальство, пѣли непристойныя пѣсни, декламировали трагедіи Баркова. Подобные концерты, въ которыхъ я хотя и не принималъ прямого участія, но при которыхъ всегда присутствовалъ и даже подтигивалъ въ хорѣ, нисколько не мѣшали мнѣ потомъ плакать надъ библіей и мечтать сдѣлаться проповѣдникомъ».

Эти маленькія подробности хорошо характеризуютъ какъ личность самого Шелгунова, такъ и многосложную сѣть случайныхъ вліяній, хорошихъ или дурныхъ, которыя съ разныхъ сторонъ пробивались подъ ровною, всопокрывающею целевою дисциплиною. Дисциплина не заботилась о водвореніи въ сердцахъ дисциплинируемыхъ какихъ-нибудь чувствъ и довольствовалась въ этомъ отношеніи хо-

лодными, чисто формальными изложеніями прописной морали, которыя, конечно, столь же холодно и формально воспринимались. Тѣмъ горячѣе усваивались вліянія стороннія, «неказенныя», имѣвшія извѣстную прелесть уже именно одною своею неказенностью. Однимъ въ этомъ отношеніи счастливилось, то есть стороннія вліянія подбирались добрыя, другимъ—несчастливилось. Обстановка юнаго Шелгунова была не изъ счастливыхъ: на глазахъ у начальства все обстоитъ благополучно, а за глазами начальство осмѣивалось; изъ какихъ-то казармъ, невѣдомыми для дисциплины путями, заносились, въ видѣ контрабанды, разныя гадости и кощунства; и безъ сомнѣнія, много молодыхъ душъ навсегда погубило въ этомъ двусмысленномъ и грязномъ омутѣ, а слѣпая дисциплина была довольна: ея требованія исполнялись. Но иныхъ спасали опять-таки какія-нибудь случайности, счастливыя, но столь же непредвидѣнныя системой, невѣдомыя ей или даже прямо ею преслѣдуемыя. Шелгуновъ былъ спасенъ благородствомъ и чистотою своей натуры. И онъ, мальчикомъ, купался въ грязныхъ пошлостяхъ, но грязь не приставала къ нему. Онъ неприкосновенно сохранилъ способность плакать чистыми слезами умиленія и мечтать о роли проповѣдника истины. И мечта исполнилась, потому что, что-же такое вся жизнь Шелгунова, какъ не жизнь проповѣдника? Мечта исполнилась, благодаря шестидесятымъ годамъ, которые призвали къ дѣятельности, въ числѣ другихъ, и Шелгунова и навсегда опредѣлили его жизненный путь.

Мы видѣли ретивость, съ которою Шелгуновъ, разъ вознавъ пробѣлы своего школьнаго образованія, принялся ихъ пополнять. Съ такою-же ретивостью отдался онъ потомъ и дѣлу распространенія знаній. Очень въ этомъ отношеніи характеренъ приведенный выше поводъ происхожденія статьи: «Россія до Петра перваго». Шелгуновъ написалъ ее потому, что принялъ близко къ сердцу поразительное незнаніе русской исторіи, обнаруженное достаточно великовозрастнымъ капитанъ-лейтенантомъ и членомъ суда по политическому дѣлу. Одна изъ его статей («Историческая сила критической личности») оканчивается такимъ діалогомъ: «Тутъ нѣтъ ничего новаго, я это зналъ и прежде, — ска-

жетъ читатель.—И прекрасно, если ты зналъ это». Дескать, ты зналъ, такъ другой не зналъ, а, можетъ быть, тебѣ только кажется, что ты зналъ, а если и въ самомъ дѣлѣ зналъ, такъ ничего, повтори, лучше знать будешь. Любопытно, что одна изъ статей Шелгунова, посвященная обзору бѣдствій, причиняемыхъ человѣчеству рабствомъ, войнами и экономической неправдой, озаглавлена: «Убыточность незнавія». И хотя въ самомъ концѣ статьи пробивается нѣкоторый скептицизмъ по отношенію къ всеисцѣляющей и всеутѣшающей роли знанія, но ключъ къ статьѣ все-таки очень вѣрно указанъ заглавіемъ: «Убыточность незнавія», къ каковой убыточности сводится большинство бѣдъ и золъ. Просвѣтить, научить темныхъ—такова, прежде всего, задача. Это надо имѣть въ виду при чтеніи многихъ статей Шелгунова, писанныхъ въ шестидесятыхъ годахъ и могущихъ показаться иному нынѣшнему читателю нѣсколько многословными и элементарными. Что же касается вѣры въ силу знанія, вѣры, которая опять-таки можетъ показаться нынѣшнему читателю нѣсколько преувеличенною, то она вполне объясняется обстоятельствами времени. Въ ту пору задача, стоявшая передъ обществомъ, представлялась столь непреерекаемо ясною, что людямъ вродѣ Шелгунова казалось, что только недостатокъ знаній и можетъ препятствовать усвоенію и разрѣшенію ея: такъ ярко горѣло солнце на историческомъ небѣ, что всякое своекорыстіе и всякіе противообщественные личные интересы должны растаять сами собой, какъ только масса узнаетъ то, чего она не знала, а она не знала, можно сказать, ничего. Отсюда это множество популярныхъ статей по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, наполненныхъ иногда одними чисто фактическими свѣдѣніями. И, безъ сомнѣнія, въ свое время, статьи эти открывали множеству читателей совершенно новые горизонты и сослужили большую и хорошую службу, претворившись въ общее сознаніе и; такъ сказать, распустившись тамъ. Если онѣ теперь кажутся элементарными, то это участь не только компилятивныхъ статей, предпринятыхъ съ цѣлью популяризаціи тѣхъ или другихъ знаній, а до извѣстной степени и руководящихъ работъ, отиѣченныхъ печатью исключительныхъ дарованій. Говоря о знаме-

нитою диссертациі «Объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства въ дѣйствительности», Шелгуновъ справедливо замѣчаетъ: «Теперешніе читатели могутъ замѣтить, что въ мысляхъ, высказанныхъ въ диссертациі, о которой идетъ рѣчь, нѣтъ ничего новаго; они могутъ сказать: «мы все это знаемъ» (мнѣ случалось встрѣчать такихъ). Да, вѣрно, что вы все это знаете, но откуда вы это узнали? Вы, пожалуй, даже и не узнавали ни откуда; вы, просто, выросли на литературѣ и критикѣ, которая вся создавалась уже по этому рецепту и шла этимъ путемъ, впервые указаннѣмъ ей тридцать лѣтъ назадъ».

III.

Если-бы настоящее изданіе было полнымъ собраніемъ сочиненій Шелгунова, такъ и то оно не представляло-бы собою всей суммы работы, которую сдѣлалъ этотъ человѣкъ. Въ качествѣ члена редакцій разпространенныхъ и имѣвшихъ большой успѣхъ журналовъ, онъ долженъ былъ принять на себя массу чернаго труда, и этого труда не выразить никакими цифрами, равно какъ не оцѣнить того, что онъ сдѣлалъ, пропустивъ въ обращеніе и не допустивъ до обращенія тотъ или другой проходившій черезъ его руки литературный матеріалъ разныхъ достоинствъ. Эта сторона его литературной дѣятельности такъ навсегда и останется неясною для публики. Но настоящее изданіе не есть полное собраніе сочиненій: Шелгуновъ въ теченіе многихъ лѣтъ велъ такъ-называемое «внутреннее обозрѣніе» въ журналахъ (оно называлось у него, помнится, «домашнею лѣтописью»), и всѣ эти обозрѣнія не вошли въ настоящее изданіе. Не вошли и много другихъ, отдѣльныхъ статей самаго разнообразнаго содержанія. Наконецъ, многія изъ статей, вошедшихъ въ изданіе, сильно сокращены авторомъ. Я не знаю, чѣмъ онъ руководствовался при выборѣ и сокращеніи статей, но нѣкоторые изъ пробѣловъ долженъ помянуть для обрисовки литературной фисіономіи автора.

Въ изданіе не вошла, напримѣръ, статья 1863 г.: «Земля и органическая жизнь». Это пересказъ «Естественной исторіи мірозданія», «Физіологическихъ писемъ» Фогта и «Физіологическихъ картинъ» Бюхнера. Это понятно, — популяризирующій пересказъ попу-

лярныхъ книгъ, имѣющихся въ русскомъ переводѣ, конечно, и не стоило перепечатывать въ собраніи сочиненій. Но, можетъ быть, у автора были еще другіе, спеціальныя резоны для исключенія этой статьи. Такъ можно думать, судя по характеру нѣкоторыхъ сокращеній въ другихъ статьяхъ. Напримѣръ, въ статьѣ «Убыточность незнанія» уничтожено начало и почти все заключеніе, отъ котораго осталось лишь нѣсколько строкъ, присоединенныхъ къ предыдущей главѣ. И тамъ, и тутъ, то-есть и въ началѣ, и въ концѣ статьи уничтожены разсужденія о значеніи естественныхъ наукъ. Повторяю, мнѣ неизвѣстны мотивы этихъ измѣненій, но, систематически проведенныя черезъ все изданіе, они затупеиваютъ одну характерную черту, свойственную не Шелгунову только, а всѣмъ шестидесятымъ годамъ. Черта эта — увлеченіе естествознаніемъ.

Въ статьѣ «Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи» введеніе сильно сокращено, причѣмъ выпущено кое-что опять-таки чрезвычайно характерное и для Шелгунова лично, и для шестидесятыхъ годовъ вообще. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что статья «Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи», напечатанная въ 1861 г. въ «Современникѣ», есть въ своемъ родѣ первая по времени. Потому у насъ было много статей и цѣлыхъ книгъ о положеніи рабочаго класса въ Европѣ, но починъ этой литературѣ положенъ былъ Шелгуновымъ. Позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ исключеннаго авторомъ.

«Такіе господа тяготеютъ всѣми силами къ далеко отъ нихъ лежащей Европѣ; только въ ея выработанной жизни, въ ея вишней привлекательности видятъ они задачу своихъ стремленій, далекій идеалъ для Россіи... Людей этого сорта, по самой натурѣ способныхъ составлять большинство, разводится у насъ все больше и больше, они считаютъ себя избранными просвѣщать Россію и они учатъ насъ тому, что больше всего вредно намъ и менѣе всего намъ нужно... Рядомъ съ силой и здоровьемъ, Европа нарастила на себѣ много желваковъ, много дикаго мяса, потратила много силъ, чтобы создать то, что не только совсѣмъ не нужно для ея здоровья, а напротивъ, вытягиваетъ ея силѣ и здо-